

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-48-1-10>

Е.В. Перевалова *, **Е.Н. Данилова ***, **

* Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034

** Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru;
danilova@northarch.ru

КОТЕЛ В КУЛЬТУРЕ ОБСКИХ УГРОВ И САМОДИЙЦЕВ: САКРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Археологические и этнографические материалы свидетельствуют о невероятной многофункциональности и полисимволичности котла в культурах обских угров и самодийцев. В нем заключена энергия жизни, он выступает в роли дара-жертвы и оберега, вместилища душ и духов. Многофункциональность котла находит отражение в погребально-поминальных обрядах. По масштабу и выразительности, степени включенности в культово-ритуальные комплексы угорско-самодийский котел в полной мере соответствует феномену сосуда в мировых религиях.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, обские угры, самодийцы, котел, энергия, символ, культово-ритуальные практики.

Ритуальное отношение к котлу как к сосуду принадлежит к универсалиям общемировой культовой практики. Археологические и этнографические материалы свидетельствуют о невероятной многофункциональности и полисимволичности котла в культурах обских угров и самодийцев. Устойчивость бытования и функционирования котла в ритуалах и обрядах удивительным образом множится в широчайшем разнообразии и локальной вариативности традиций.

Основным источником для подготовки статьи послужили полевые этнографические материалы авторов, собранные в ходе многолетних экспедиционных исследований (1980-х — 2018 г.): северные (рр. Сыня, Войкар, Собь, Куноват, Полуй, Малая и Большая Обь, Полярный Урал), восточные и южные (рр. Салым, Большой и Малый Юган, Пим, Тромъеган, Аган, Вах) ханты, северные и западные манси (рр. Северная Сосьва, Ляпин, Лозьва), тундровые и лесные ненцы (п-ов Ямал, рр. Пур, Аган). В работе также активно использованы материалы археологических изысканий в Западной Сибири и на Урале. Рассмотрение вещи в едином археолого-этнографическом пространстве позволяет расширить хронологические рамки исследования, дает возможность более точной идентификации и интерпретации вещи при более пристальном внимании к деталям и контекстам.

В опубликованной ранее первой части статьи были представлены археологический контекст, функциональные, морфологические и социальные аспекты «котла» как уникального этнокультурного явления [Перевалова, Данилова, 2019], во второй части исследования внимание акцентируется на его сакральной стороне.

Божественный атрибут и дар богам

В культурах угров и самодийцев котел имеет высокий мифоритуальный статус. Он выступает атрибутом многих угорских богов. У восточных хантов котел — дом (место обитания-хранения) одного из божеств Верхнего пантеона. По легенде, «как-то собрались боги вместе, только *Кон-ики* не пришел. В его отсутствие остальные братья что хотели, то и вытворяли. *Яун-ики* и *Моем-ики* сняли с голов скальпы и стали вшей искать. Наблюдавший за ними *Кон-ики* громко крикнул и напугал озорников. *Яун-ики* успел уклониться, а *Моем-ики* впопыхах скальп на голову неправильно натянул, поэтому у него две макушки. А один из богов, испугавшись окрика брата, забрался под котел, поэтому его изображение хранят в котле» [ПМА, р. Юган, 1988, 2002].

В котле могло обитать божество, в него помещали дары-приклады для духов-покровителей, но и сам по себе котел являлся лучшим даром богам разных рангов. Для лошади *Мир-сусне-*

Котел в культуре обских угров и самодийцев: сакральный аспект

хума, например, поскольку ее копыта не должны касаться земли, на святилище вместо традиционных четырех серебряных блюд могли быть выставлены «четыре медных котла незакопанных» [Лукина, Новик, 1990, с. 444, 544]. В «удаче приносящей песне» Великая богиня *Касэм ими* (Казымская женщина), двигаясь на оленнем караване к вершине р. Казыма, сетует, что остров на озере Нум-то, определенный Верховным богом *Торумом* как ее дом-святилище, настолько мал, что огромный котел богини-богатырши не уместается («Без ручки котел мой, безушковый котел мой / Упадет [не уместится даже] [в такой] местности») [Кулемзин и др., 2000, с. 273, 277]. Среди многочисленной свиты богини упоминается «котлами гремющий маленький куль» (повар-слуга) [Молданов, 1999, с. 67, 127; Молданов, Молданова, 2000, с. 12]. Рядом со священным лабазом *Пупи Сяси* (бытовое имя Казымской богини) в районе селения Ай хар сангхум корт стояли изображения ее слуг — фигуры-пни «повара» и «поварихи» («мужчины и женщины конца котловой жерди»). Мужская фигурка с лицом, имеющим глаза, нос и рот, была повернута к священному лабазу, женская с лицом, имеющим только нос и рот, поскольку женщинам смотреть на культовые предметы запрещалось, была повернута от него; во время жертвоприношений между фигурами-пнями разводился костер¹. По рассказам казымских хантов, изображение «повара» и «поварихи» — *пут юх элэң имәңэн-икиңэн* («конца жерди (дерева) котла женщина и мужчина») делали на многих капищах [Дмитриева, 2005, с. 403].

Вероятно, эта традиция была распространена у обских угров широко. Так, верхняя часть опор-сошек кострища на святилище *Уран-шахэл-махум Сат менкв* (Горы-холма люди Семь менкво) у сосьвинских манси была увенчана антропоморфными фигурами «караульщиков огня», а на поселковом святилище *Полум-Торум-пыга* (Сына Пелымского бога) — личинами *менкв-пырыщей* (сыновей менкво) [Бауло, 2013, с. 34–35, рис. 32а–в; с. 57, рис. 56а–в]. Самый младший из семи *менкво* на святилище *Сат менкв* у манси р. Ляпин (Ломбовож) назван «(за) костром присматривающий юноша-менкв» [Попова, 2008, с. 67]. А салымские и сургутские ханты в качестве дара-подношения на святилищах оставляли украшенное зооморфными изображениями «вешало» с крюками вместо котлов [Яковлев, 2011, с. 60].

Рис. 1. Приготовление медвежьего мяса в большом котле. Медвежьи игрища в Ханты-Мужах. Ханты, рр. Куноват, Сыня, Войкар. Фото С. Попова, 2014.

Fig. 1. Cooking bear meat in a large cauldron. Bear Festival in Khanty-Myzi. Khanty (Kunovat, Synja, Voikar). Photo by S. Popov, 2014.

Без котла не обходится ни одно жертвоприношение. В священных угорских сказаниях богам приносится семь жертв и ставится семь котлов [Лукина, Новик, 1990, с. 77], для них варится «семь котлов тростникового пива» [Шестаков, 1992, с. 32], «семь котлов мяса, семь котлов рыбы», для обслуживания трапезы приглашались «посудными делами занимающиеся два повара, чашечными делами занимающиеся два повара» [Молданов, Молданова, 2000, с. 12, 58, 94–95]. Поскольку пищи во время больших жертвоприношений на святилищах и во время Медвежьих игрищ готовилось много, использовалось несколько котлов (для каждого вида пищи)

¹ Карачаров К.Г. (устное сообщение).

и/или котел больших размеров (для мяса жертвенного животного) (рис. 1). Однажды принесенные на святилище котлы, предназначенные для приготовления ритуальной пищи, оставались на нем навсегда (исключение — женские культовые места) (рис. 2). На общих угорских святилищах у женщин был отдельный котел. На роль поваров-слуг на время проведения обрядов приглашались специальные люди. Так, хозяевами сынского бога *Кев урр ху акем ики* (Каменного богатыря-мужчины дядьки-старика) были *щеня ёх* (Лонгортовы), роль его «слуг» (*лев ёх*) исполняли представители того же рода Куртямовы и Вальгамовы, а на роль «державших ручку от поварешки» (*лосан ёх*) «звали людей со стороны». На Медвежьих игрищах также приглашались обслуживающие трапезу (гостя-медведя, мужской и женский столы) люди, не принадлежащие к роду охотника, добывшего зверя [ПМА, р. Сыня, 2011–2014].

Рис. 2. Приготовление жертвенной пищи. Женское культовое место у д. Вытвшорт. Ханты, р. Сыня. Фото Е. Перваловой, 2011.

Fig. 2. Cooking of ritual food. The female cult place near Bytvoshort. Synja Khanty. Photo by E. Perevalova, 2011.

Энергия жизни

Из-за формы, напоминающей свод или гору, из-за возможности изменения субстанций при варке котел ассоциируется с землей и нижним миром, женской утробой и плодородием. К ритуальным архетипам, связанным прежде всего с мифологическим центром мира и образом Великой Матери-Земли, относится закапывание и переворачивание котла/сосуда (отворяюще-затворяющий ритуал) [Львова и др., 1988, с. 144]. В селькупском мифе полулюди-полумедведи обходят посолонь вокруг домашнего котла, и их чум уходит в землю, превращаясь в Лозыль Лакка (Гору Духов), в своеобразный центр мира [Головнёв, 1995, с. 250].

У аганских хантов котел — символ дочери Верховного бога *Торэма*, богини *Омэстэ-аңки* (Сидящей матери) или *Мэх-пухэс-аңки* (Земли-матери-матери). Согласно легенде, *Торэм* собрал своих дочерей, чтобы распределить между ними земные обязанности. *Омэстэ-аңки* села на семиушковый котел, тот начал вращаться, вокруг пошли холмы и превратились в бугристую поверхность земли. С тех пор на священных местах в дар *Омэстэ-аңки* приносят семь медных котлов или корову (считается, что «корова держит на рогах землю, без нее земля уйдет вниз») [ПМА, Аган, 2002, 2003].

Традиция дарения-закапывания котлов богине земли сохраняется у восточных хантов по сей день. Во время обследования святилища Казамкиных на р. Пуралнъёган были обнаружены лежащий на поверхности вверх дном медный котел (юго-восточная часть), закопанный в песок устьем вверх чугунный котел (западная часть), три ведра на поверхности (северо-восточная часть) и две группы закопанных оцинкованных ведер и котлов (центральная часть) рядом с развалинами священного лабаза (рис. 3) [Карачаров, 2005, с. 8, 61–66, рис. 70–72; Первалова, Карачаров, 2006, с. 116]. Котел-дар для дочери богини *Омэстэ-аңки*, обеспечивавшей благополучие семьи, аганские ханты закапывают у священной стены дома. Обычно обряд проводится при завершении постройки жилища. У котла (ведра) убирают дужку и вместо нее привязывают ткань. Затем в котел кладут пять или семь монет и закапывают у задней стенки дома устьем вверх (в отличие от переворачивания или продырявливания оставленной на кладбище посуды).

Котел в культуре обских угров и самодийцев: сакральный аспект

В изголовье нар на всю длину стены кладут черную ткань, после чего забивают в дар богине телочку или корову [ПМА, р. Аган, 2002, 2004]. На Салыме под нары в жилище закладывали шкуру жертвенного животного [Гриценко и др., 2000, с. 146].

Рис. 3. Закопанные в землю котлы — дары Матери-Земле. Ханты, р. Аган. Фото К. Карачарова, 2002.
Fig. 3. Buried in the ground cauldrons are gifts of goddess Earth Mother. Agan Khanty. Photo by K. Karacharov, 2002.

Связь котла с культом Матери-Земли у восточных хантов прекрасно «считывается» по археологическим материалам. При раскопках селища Мохтикъёган 15 (бассейн р. Аган) у задней стенки жилища XIX в., под остатками нар, были найдены три железных котла без дужек. При расчистке выяснилось, что котлы были закопаны устьем вверх: два из них размещались практически вплотную к стене, третий — на расстоянии полуметра от стены; в одном из котлов были обнаружены три монеты достоинством 1 копейка, в другом — три свинцовые пули [Мызников, 2007, с. 28, 34–35, рис. 21, 26, 27, 100]. На селище Усть-Ваньёган 4 (г. Радужный, Нижневартовский р-н ХМАО) был обнаружен медный котел, вкопанный устьем вверх в углу у чувала [Карачаров, 2003, с. 157, 160, рис. 208; 213]. При раскопках жилища начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 (урочище Городской Остров, протока Кривая, левобережье Оби) в яме под нарами у дальней от входа стены был обнаружен скелет теленка, лежащий в анатомическом порядке, а в засыпке ямы — фрагмент кованого железного листа и три медные монеты [Шорин, Баранов, 2002, с. 77–80].

Обряд жертвоприношения *Мых-ими* (Земле-старухе), или, как ее еще величали на Васюгане, «Великой земли, матери конечной земли», описан К.Ф. Карьялайненом. В приобретенных в складчину семи медных котлах готовилась жертвенная пища (мясо коровы, оленя, лося, каша). Наполненные пищей котлы выстраивались в ряд, и шаманы приглашали к угощению богиню с ее свитой. В песне-путешествии пелось о дороге семи шаманов с котлами-дарами к «семижертвенному столбу». От него шаманы расходились по семи дорогам. Главный шаман уходил к Земле-старухе. В ее обители высотой в семь подземных этажей он встречал семь охранников, ожидающих подношений, на последнем этаже находилось семидверное жилище богини. После жертвенной церемонии семь шаманов уносили семь котлов «в разные места Васюганского края» и закапывали их в землю. Считалось, что котлами богиня прикрывала отверстия на поверхности земли, чтобы преградить путь болезням и духам нижнего мира [Карьялайнен, 1995, с. 233–236].

У разных групп хантов и манси обряды жертвоприношения Матери-Земле несколько различались: на Васюгане в землю закапывали семь котлов [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 138], на Югане и Тромъегане — котел с пищей, на Сыне в яму выливали вскипяченную в котле воду с семью монетами [ПМА, р. Тромъеган, 1987; р. Большой Юган, 1984, 2003; р. Сыня, 1989, 2013]. Несмотря на разницу в дарах-подношениях во всех случаях действие с котлом было направлено на закрытие входа в нижний мир.

Однако котел выступал не только даром-преградой для Матери-Земли. Одновременно он представляется сосредоточением ее репродуктивной силы и вмещалищем душ. Богиня *Лугоос-лунг* (Мать-дух) или *Торум-Анки* (Божья мать), по представлениям ваховских хантов, «обитает в той стороне, где солнце разгорается», от ее воли зависит рождение детей, которых она «выкачивает», а

затем посылает на землю с первым лучом солнца. При посещении «прикладного места» *Луос-луна* в бассейне р. Вах М.Б. Шатилов обнаружил 66 котелков, большой чугунок, четыре чайника, шесть ковшей, двенадцать колокольцев, восемнадцать стрел, две домбры, два бубна, многочисленные лоскуты ткани, платки и шкуры жертвенных животных [Шатилов, 2000, с. 170, 279].

Котел обладал как рождающей, так и умертвляюще-затворяющей силой. На Агане функцию хранителя человеческих душ выполняет бог *Сойем-ики* (Священной протоки старик) или *Вонт-кутэп-ики* (Лесной середины старик). Могущественного старца ханты величают *Йилес-кой*, *Йилес-пит-ики* (Души защищает, души спасает старик). В дар ему непременно приносят котел (за неимением — ведро) и темную ткань. Посещают капище только мужчины, женщинам ступать на священный берег запрещается (рис. 4) [ПМА, 2001, 2002]. Васюганские и тромъеганские ханты, согласно данным К.Ф. Карьялайнена, также почитали «духа нижней части земли» *Ййл-юнк* или *Ййл-торэм*, принимающего в жертву котел, иногда — лошадь. Он считался помощником Земли-старухи, поэтому оказывался в числе приглашенных на устраиваемые для нее жертвоприношения. Его изображение хранили в маленьком котле [Карьялайнен, 1995, с. 240]. В то же время у восточных хантов существуют устойчивые представления о хозяине нижнего мира, которому определялись отдельные места поклонения и дары. На Агане, например, место поклонения *Котл-порэк-ики* (Ели-корня-старик) или *Пэхтэ-ики* (Черный старик), который в отличие от *Соейм-ики* «напускает болезни и забирает людские души после смерти», находится неподалеку от капища последнего. Для *Котл-порэк-ики* под комлем дерева оставляют халат из черной ткани или железа, а со святилища берут деревянные изображения его помощников — «змеи» и «косатой змеи» [ПМА, р. Аган, 2002, 2004].

Рис. 4. Дары (котлы, ведра) хранителю душ *Сойем-ики* (Священной протоки старик). Ханты, р. Аган.
Фото Е. Переваловой, 2002.

Fig. 4. The gifts (cauldrons, pails) for *Sojem-iki* (Owner of the sacred river channel), the kipper of souls.
Agan Khanty. Photo by E. Perevalova, 2002.

У северных хантов описываются случаи, когда рожденного вне брака младенца помещали в большой котел и оставляли в лесу. Рассказывают, что в одной семье пришлось устраивать *потлам хот* (шаманить в «темном» доме), поскольку «душа умерщвленного ребенка мстила, забирая души родственников», «во время камлания из-под половых досок были слышны шаги *кур ил'пи ики* (бога-охранника дома и семьи, хранившегося у порога) и плач младенца, но его душа была поймана и отдана родовым духам-*лонхам*, которые крепко держат ее» [ПМА, р. Сыня, 1997].

Котел в погребальном обряде

По археологическим данным, повсеместное использование котлов в погребальном обряде на севере Западной Сибири начинается с XI–XII вв. Самый ранний котел происходит из погребения, датированного IX–X вв. (погр. 133, могильник Сайгатинский VI) [Карачаров, 2008, с. 61–62, 190]. На могильнике Усть-Балык в погребениях конца VIII — XI в. посуда представлена в основном керамическими сосудами, а в погребениях XI–XVII вв. — котлами [Семенова, 2008, с. 120–124, 161–164]. Похожая ситуация наблюдается на синхронных памятниках Томско-Нарымского Приобья [Яковлев, Боброва, 1995, с. 105]. Появление котла в погребальных комплексах связывается исследователями с его статусом модной и престижной вещи, а также как индикатора высокого социального положения покойного; традиция ставить котлы в могилу закрепляется настолько, что появляются их керамические копии [Чемякин, Карачаров, 2002, с. 64].

Местонахождение котлов в погребениях, согласно археологическим материалам, заметно варьируется. Комплектность и варианты расположения котлов и других сосудов в погребениях существенно разнятся даже на одном памятнике. На могильнике Сайгатинский IV бронзовые и медные котлы, берестяные коробки и деревянная посуда, в которых могли находиться остатки пищи, располагались в ногах погребенных, тогда как в головах и собственно на головах умерших были обнаружены сосуды из серебра — чаши, кубки, ковши (погр. 194 и 240) [Терехова, 1991, с. 6, 23, 39]. В ногах покойного из погребения 287 того же могильника был поставлен «бронзовый» котел с железной ручкой, на дне которого находился берестяной туес [Борзунов и др., 2013, с. 160–164], а в погребении 262 котел был надет на голову умершего, а в ногах лежал берестяной туес [Терехова, 1991, с. 35].

Рис. 5. Приготовление поминальной пищи на кладбище. Костровое место. Ханты, р. Сыня. Фото Е. Переваловой, 2013.

Fig. 5. Cooking of ritual food on the cemetery. Synja Khanty. Photo by E. Perevalova, 2013.

В Северо-Западной Сибири известны также находки бронзовых котлов, которые помещены в погребально-ритуальные комплексы в виде деформированных фрагментов. Так, фрагменты бронзового котла на поддоне (II в. до н.э. — I в. н.э.) были обнаружены в составе так называемого Холмогорского «клада», интерпретированного авторами как «остатки ритуального захоронения нескольких посмертных изображений умерших» [Зыков, Федорова, 2011, с. 62–63, 114–115, 145]. Похожий комплекс (неординарное захоронение культового характера) выявлен на могильнике Агрнъёган 1 (бассейн р. Аган) [Карачаров, 2005, с. 29, 57]. В погребальном обряде средневекового населения Нижнего Приобья, судя по материалам археологического комплекса Зеленый Яр, бронзовые и медные котлы использовались очень активно: из стенок котлов зеленоярцы делали пластины-маски, закрывающие лица покойных, оклады-конусы, ленты-скобы и пластины, покрывающие (или скрепляющие) их тела. Но, по мнению авторов раскопок, в этом скорее прослеживается «особое отношение к металлу», а не к изделиям из него [Алексашенко и др., 2015, с. 71–109, 112–113, 116–117, 120, 130–131, 134, 136, 138, 140–141, 143–144].

В интерпретациях археологических материалов относительно использования металлических котлов и их фрагментов в погребальной практике ввиду многофункциональности и полисимволичности сосуда, на наш взгляд, одинаково вероятны несколько вариантов и их комбина-

ций — вместилище души (на голове или над головой покойного, поскольку котел непосредственно ассоциируется с головой) и посмертного изображения (отдельное захоронение или подхоронение к основному погребению), охранник уходящей в страну мертвых души (погребальные маски, оклады, скобы на теле и покрывала умершего), сопровождающий инвентарь (в голове или ногах покойного), емкость для приготовления ритуальной пищи (межмогильное пространство), что не противоречит этнографическим данным. У северных хантов, например, по традиции в могилу кладут чашку или чашки с пищей («ухо-чашка» ставится в изголовье, «колени-чашка» — в ногах), а также нож, топор и котел, без которых «нельзя отправлять покойника в мир мертвых». Восточные ханты в гроб с покойным также ставили чашечку или тарелочку с пищей [ПМА, р. Вах, 2007]. На кладбищах рядом с костровым местом непременно оставляются перевернутые вверх дном или подвешенные на дерево котлы и чайники, которые используются для приготовления пищи во время похорон и поминальных обрядов (как правило, один костер и общие котлы на группу кровных родственников) (рис. 5, 6).

Рис. 6. Костровое место на кладбище-ура. Ханты, р. Сыня. Фото Е. Переваловой, 2013.
Fig. 6. The fireplace on the cemetery-ura. Synja Khanty. Photo by E. Perevalova, 2013.

Несомненно, что в погребальном обряде обских угров и самодийцев котел мог выполнять функцию вместилища души покойного: как и целому котлу, фрагменту-маске, фрагменту-окладу, фрагменту-скобе отведена роль удерживающая и ограничивающая действия. Этнографические материалы свидетельствуют о трансформации этой традиции в нескольких направлениях: замена металла на ткань и вытеснение котла маской. Так, В.Ф. Зуев, описывая погребальный обряд самоедов XVIII в., отмечал, что они кладут покойного, вытянув руки и «надевши на голову котел», обертывают его «постелями или чумовою крышкою и обвязывают веревками» [1947, с. 67]. У И.Г. Георги находим: «В могиле опрокидывают над покойниковою головою котел, да сверх того кладут туда же ему про запас и другой домашний скарб, а особливо лук и стрелы» [1799, с. 11]. О положении котла в могилу дном вверх сообщал А.А. Дунин-Горкавич [1996, с. 52–53]. Отметим, что вариант положения котла в погребениях (надет на голову покойного или перевернут над головой) (рис. 7) отличается от положения котла как дара-подношения Матери-Земле на святилище (закопан в землю устьем вверх со снятой или снятой и замененной на ткань дужкой). Возможно, постепенно из погребального обряда металлический котел вытеснили более доступные материалы. Ф. Белявский сообщал, что самоеды, чтобы «душа, по разрушении тела, могла, где жить до своего переселения в другое тело, надевают покойнику на голову кошель» [1833, с. 126]. Ему вторил Ю.И. Кушелевский, писавший, что они «лицо мертвому и вообще голову зашивают сукном» [1868, с. 119]. Традиция закрывания головы и/или лица покойного погребальной маской сохраняется и сегодня у многих групп обских угров и ненцев. Северные манси называют ее *вильт лопыс* — букв. 'лицо прикрывающее [нечто]' или *вильт*

Котел в культуре обских угров и самодийцев: сакральный аспект

тор — букв. 'ткань [на] лицо' [Попова, 2010, с. 32]. Ненцы и северные ханты поясняют, что «голову покойного непременно обматывали лоскутом ткани или меха с нашитыми на месте глаз пуговицами или бусинами, иначе он не найдет дорогу в нижний мир и может увести с собой кого-нибудь из родственников» [ПМА, Нижняя Обь, 1987, 1989]. Хотя эти две традиции — надевание котла на голову и металлическая / тканевая маска на голову и лицо — вполне могли сосуществовать.

Рис. 7. Медный котел на старой могиле. Ханты, р. Сось. Фото Е. Переваловой, 2011.
Fig. 7. The cauldron on an old grave. Sob Khanty. Photo by E. Perevalova, 2011.

Котел играет роль и божественной жертвы-дара, и охранника-оберега, и дома-вместилища богов и душ людей. В котле сосредоточена энергия жизни: с ним связаны обряды рождения-перерождения и культ Матери-Земли. Многофункциональным предстает котел не только в культовых практиках, но и в погребально-поминальных обрядах ненцев, хантов и манси. Котлы из погребений, как и изделия из них (маски, оклады, скобы), указывают на социальный статус покойного. Котел выступает охранником и вместилищем души умершего и/или его посмертного изображения, используется как сопровождающий инвентарь и емкость для приготовления ритуальной пищи. По масштабу и выразительности, степени включенности в культово-ритуальные комплексы угорско-самодийский котел в полной мере соответствует феномену сосуда в мировых религиях.

Финансирование. Исследование выполнено за счет грантов Российского научного фонда (Е.В. Перевалова — проект № 18-18-00309, Е.Н. Данилова — проект № 19-78-10002).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Карачаров К.Г. Археологическое обследование среднего и верхнего течения р. Аган в Нижневартовском районе ХМАО в 2002 году: Отчет о НИР: В 2 ч. Ч. 2: Иллюстрации. Нефтеюганск, 2003. 179 с. // Архив АСА. Ф. 1. Д. 127.

Карачаров К.Г. Выявление и обследование историко-культурных объектов в окрестностях г. Радужный в Нижневартовском районе ХМАО в 2004 г.: Отчет о НИР / ООО НПО «Северная археология-1». Нефтеюганск, 2005. 197 с. // Архив АСА. Ф. 1. Д. 179.

Карачаров К.Г. Археологические раскопки могильника Сайгатинский VI и селища Кучиминское XXII в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2007 году: Отчет о НИР / МУК «СХМ». Сургут, 2008. 128 с. // Архив АСА. Ф. 1. Д. 226.

Мызников С.А. Охранные археологические раскопки селища Мохтикъяган 15 в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского АО в 2007 году: Отчет о НИР / ХМАО; ООО НПО «Северная археология 1». Нефтеюганск, 2007. 128 с. // Архив АСА. Ф. 1. Д. 230.

Терехова Л.М. Отчет о раскопках Сайгатинского IV могильника летом 1988 г. Свердловск, 1991. 243 с.

Литература

Алексащенко Н.А., Брусницына А.Г., Литвиненко М.Н., Косинцев П.А., Перевалова Е.В., Ражев Д.И., Федорова Н.В. Зеленый Яр: Археологический комплекс эпохи Средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2015. 368 с.

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.

Беляевский Ф. Поездка по Ледовитому морю. М., 1833. 274 с.

Борзунов В.А., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Аварийные исследования средневекового Сайгатинского IV могильника в 2009 г. (раскоп 5) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2013. Вып. 11. С. 142–197.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб.: Императорская Академия Наук, 1799. Ч. 3. 117 с.

Головнёв А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Гриценко В.Н., Ивасько Л.В., Ильина И.В., Кардаш О.В., Клепиков А.В., Мартынова Е.П., Суровень Д.А., Федорова Е.Г. Салымский край. Екатеринбург: Тезис, 2000. 344 с.

Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. 580 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб.: Либерия, 1996. Т. III. 203 с.

Зуев В.Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. ТИЭ. Н. С. М.: Л., 1947. Т. 5. 65 с.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2011. 176 с.

Карьялайнен К.Ф. Религия угорских народов / Пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 2. 231 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в.: Этнографические очерки. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 226 с.

Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Явмал. СПб., 1868. 156 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В., Молданов Т.А., Молданова Т.А. Мифология хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 310 с. (Энциклопедия уральских мифологий; Т. III).

Лукина Н.В., Новик Е.С. (отв. ред.). Мифы, предания, сказки хантов и манси / Пер., сост., пред. и примеч. Н.В. Лукина. М.: Наука, 1990. 568 с.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

Молданов Т.А., Молданова Т.А. Боги Земли Казымской. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 114 с.

Молданов Т.А. Картина мира в песнопениях медвежьих играх северных хантов. Изд-во ТГУ, 1999. 141 с.

Перевалова Е.В., Данилова Е.Н. Котел в культуре обских угров и самодийцев: Археологический артефакт и «живая» традиция // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 152–164.

Перевалова Е.В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.

Попова С.А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 138 с.

Попова С.А. Обрядовая деятельность народа манси. Ханты-Мансийск, 2010. Ч. I: Обряды жизненного цикла. 111 с.

Семенова В.И. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам западной Сибири). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. 213 с.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу): Научно-исторические очерки. 2-е изд. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 288 с.

Шесталов И.Н. (ред.) Священный сказ о сотворении земли: Мансийские мифы / Пер. О. Шесталовой-Фидорович. Л.; Ханты-Мансийск: Стерх — Белый журавль, 1992. 34 с.

Шорин А.Ф., Баранов М.Ю. Возможности археологии в реконструкции жилища как области реализации мифологических представлений (по материалам раскопок хантыйских жилищ начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 близ г. Сургут) // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. С. 70–81.

Яковлев Я.А., Боброва А.И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: Котел // Средневековые древности Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 101–117.

Яковлев Я.А. На столе и вокруг него. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. 368 с. (Жизнь обских угров: Взгляд изнутри; Т. 1).

E.V. Perevalova *, E.N. Danilova *, **

* Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstcamera) of the RAS
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

** Institute of History and Archaeology of the Ural Branch RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620099, Russian Federation

E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru;
danilova@northarch.ru

Cauldrons in the cultural traditions of the Ob Ugrians and Samoyeds: a sacral aspect

The ritual attitude towards the cauldron as the sacred vessel can be found in all religious practices. Archaeological and ethnographic materials indicate the incredible versatility and polysymbolism of the cauldron in the cultures of the Ob Ugrians and Samoyeds. The first part of this research, which was published in the previous issue of the present Journal, covered the archaeological context along with the functional, morphological and social aspects associated with the cauldron as a unique ethnocultural phenomenon. The second part presented here aims to consider the sacral aspect of the cauldron. The conducted archaeological and ethnographic research was based on a structural-semiotic approach. In this article, we analyse field ethnographic materials collected during long-term fieldwork (1980s–2018) from Northern (Synya, Voykar, Sob, Kunovat, Polui, Ob, Polar Urals), Eastern and Southern (Salym, Yugan, Pim, Tromyogan, Agan, Vakh) Khanty; Northern and Western Mansi (Northern Sosva, Lyapin and Lozva Rivers); tundra and forest Nenets (Yamal Peninsula, Pur and Agan Rivers). The materials of research carried out in Western Siberia and the Urals were also applied. The use of cauldrons in rituals and rites is characterized by a wide diversity and local variability of traditions. Judging by the information presented in the article, the cauldron plays the roles of a divine sacrifice-gift, a guard-talisman, as well as a home-receptacle for gods and the souls of people. The cauldron concentrates the energy of life through participating in the rites of birth-rebirth and the cult of Mother Earth. Besides cult practices, the multifunctional character of the cauldron manifests itself in the funeral and memorial rites of the Nenets, Khanty and Mansi. Cauldrons from burials, as well as products made thereof (masks, mountings, brackets), indicate the social status of the deceased. Cauldrons act as a guard and a receptacle for the soul of the deceased and/or his posthumous image; they are used as an accompanying item and a vessel for preparing ritual food.

Key words: North-Western Siberia, the Ob Ugrians, the Samoyeds, cauldron, energy, symbol, the spiritual and ritual practices.

Funding. This work was supported by the grants from the Russian Science Foundation (E.V. Perevalova — project No. 18-18-00309, E.N. Danilova — project No. 19-78-10002).

REFERENCES

- Alexashenko N.A., Brusnitsyna A.G., Litvinenko M.N., Kosintsev P.A., Perevalova E.V., Razhev D.I., Fedorova N.V. (2015). *Zeleny Yar: Archaeological complex of the Middle Ages in the Northern Ob region*. Ekaterinburg; Salekhard: Ural'skoe otdelenie RAN. (Rus.).
- Baulo A.V. (2013). *Sacred places and attributes of the Northern Mansi at the beginning of the 21st century: Ethnographic album*. Khanty-Mansiysk; Ekaterinburg: Basko. (Rus.).
- Beliauskii F. (1833). *Trip on the Arctic Sea*. Moscow. (Rus.).
- Borzunov V.A., Korochkova O.N., Stefanov V.I. (2013). Emergence studies of the Medieval Saigatinske IV Burial. In: Ia.A. Iakovlev. (Ed.) *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, (11) (pp. 142–197). Tomsk; Khanty-Mansiisk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Chemiakin Iu.P., Karacharov K.G. (2002). The ancient history of the Surgut Ob. In: *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov: (Materialy k atlasu): Nauchno-istoricheskie ocherki* (pp. 5–74). Ekaterinburg: Tezis. (Rus.).
- Dmitrieva T.N. (2005). *Toponymy of the Kazym River Basin*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta. (Rus.).
- Dunin-Gorkavich A.A. (1996). *Tobolskii Sever*, III. St. Petersburg: Libereia. (Rus.).
- Georgi I.G. (1799). *Description of all the living nations in the Russian state*, 3. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk. (Rus.).
- Golovnev A.V. (1995). *Talking cultures: Traditions of Samoyeds and Ugrians*. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie RAN. (Rus.).
- Gritsenko V.N., Ivas'ko L.V., Il'ina I.V., Kardash O.V., Klepikov A.V., Martynova E.P., Suroven' D.A., Fedorova E.G. *Salym region*. (2000). Ekaterinburg: Tezis. (Rus.).
- Iakovlev Ia.A. (2011). *On the table and around it*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Iakovlev Ia.A., Bobrova A.I. (1995). On the role and significance of the funerary inventory of the late Medieval population of the Ob region: A boiler. In: *Srednevekovye drevnosti Zapadnoi Sibiri* (pp. 101–117). Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Karjalainen K.F. (1995). *Religion of the Ugric peoples. Vol. 2*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).

- Kulemzin V.M., Lukina N.V. (1977). *Vasyugan-Vakhov Khanty in the late XIX — early XX centuries: Ethnographic essays*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Kulemzin V.M., Lukina N.V., Moldanov T.A., Moldanova T.A. (2000). *Khanty mythology*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Kushelevskii Iu.I. (1868). *North Pole and Yavmal Land*. St. Petersburg. (Rus.).
- Lukina N.V. (1990). *Mify, traditions, tales of the Khantov and Mansi*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- L'vova E.L., Oktiabr'skaia I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S. (1988). *The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia: Space and time. Real world*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Moldanov T.A. (1999). *A picture of the world in the chants of bear games of the northern Khanty*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Moldanov T.A., Moldanova T.A. (2000). *Gods of the Earth of Kazym*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Perevalova E.V., Danilova E.N. (2019). A cauldron in the culture of Ob Ugrians and Samoyeds: The archaeological artifact and «living» tradition. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 152–164. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-12.
- Perevalova E.V., Karacharov K.G. (2006). *Agan River and its inhabitants*. Ekaterinburg; Nizhnevarstovsk: Ural'skoe otdelenie RAN: Studiia «GRAFO». (Rus.).
- Popova S.A. (2008). *Mansi calendar holidays and ceremonies*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Popova S.A. (2010). *Ritual activity of the Mansi people. Part. I: Rites of the life cycle*. Khanty-Mansiysk. (Rus.).
- Semyonova V.I. (2008). *Mythologies of the World of the Dead (in accordance with mythological and archaeological sources of West Siberia)*. Tyumen: Izdatel'stvo IPOS SO RAN. (Rus.).
- Shatilov M.B. (2000). *Vakhov Ostyaks: Ethnographical*. Tyumen: Izdatel'stvo Iu. Mandriki. (Rus.).
- Shestalov I.N. (Ed.) (1992). *The sacred tale of the creation of the earth. Mansi myths*. Leningrad; Khanty-Mansiysk: Sterkh — Belyi zhuravl. (Rus.).
- Shorin A.F., Baranov M.Iu. (2002). The possibilities of archaeology in the reconstruction of the dwelling as an area of mythological representation (based on excavation of the Khanty dwellings at the beginning of the 19th century at the settlement of Syroi Agan 12 near Surgut). In: *Materialy i issledovaniia po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri* (pp. 70–81). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (Rus.).
- Zuev V.F. (1947). *Description of Ostyaks and Samoyeds living in the Siberian province in the Berezovsky district of Gentile peoples. Materials on the ethnography of Siberia of the XVIII century*, 5. Moscow; Leningrad. (Rus.).
- Zykov A.P., Fedorova N.V. (2011). *Kholmogorsky treasure: A collection of antiquities of the 3rd–4th centuries from the collection of the Surgut Art Museum*. Ekaterinburg: Sokrat. (Rus.).

Е.Н. Данилова, <https://orcid.org/0000-0002-8183-4810>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 22.08.2019

Accepted: 19.12.2019

Article is published: 02.03.2020